

Маргарита Глазова

*Седьмой этаж,
Летняя история*

Маргарита Глазова

Седьмой этаж. Летняя история

«Accent Graphics communications»

2014

Глазова М.

Седьмой этаж. Летняя история / М. Глазова — «Accent Graphics communications», 2014

Ещё одна история из жизни студентов, героев романа «Седьмой этаж», которая приключилась с ними в дни летних каникул задолго до финальных событий. Кто бы мог подумать, что отдых на море в тёплой дружеской компании может обернуться для уже сложившихся влюблённых пар серьёзным испытанием чувств и проверкой на прочность! Однако, когда в человеческие взаимоотношения вмешиваются силы высшего порядка, возможно всякое.

© Глазова М., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маргарита Глазова

Седьмой этаж. Летняя история

Пролог

– Всё ещё хуже, чем я думал, – мрачно буркнул Тахльхар, пристраивая листок пергамента на верхушку внушительной бумажной кучи, возвышавшейся на массивном письменном столе, за которым он восседал. – В мальчишке нет ни капли магии. Это никуда не годится. Так, а что там намарали про него писаки из судебной канцелярии?

– Смотрите сами, шеф. Вот, тут весь сценарий. Сейчас ему двадцать.

Тахльхар раздражённо выдернул увесистую папку из рук своего агента, откинулся на спинку кресла и занялся изучением материалов. Агенту ничего не оставалось, как сесть на стул для посетителей и терпеливо ждать, наблюдая исподтишка за выражением лица своего начальства, что, впрочем, было не таким уж скучным занятием. Несмотря на внушительную суровость и даже монументальность всего облика в целом, черты лица шефа Отдела Равновесия не были лишены живости и выдавали эмоциональность его натуры, которая странным образом уживалась в нём со способностью принимать хладнокровные, взвешенные и продуманные решения, определявшие порой ни много ни мало – судьбу мира. Перелистывая страницы, он то и дело корчил недовольные гримасы и раздражённо фыркал, не подозревая, что здорово забавляет этой пантомимой своего агента.

– Всё, как обычно – двусмысленные ситуации, вставки между строк и неразборчивый почерк. Неплохо живётся этим бумагомарателям из судебной канцелярии! Попробовал бы я составить так свой отчёт, живо слетел бы на пару уровней вниз, а с этих писак взятки гладки. Этим сочинителям всё можно. Чем больше лазеек оставят подопечному для отступления от сценария и самостоятельности, тем лучше, – зудел шеф, продолжая веселить агента своим ворчанием и манерой называть Канцелярию Судеб судебной канцелярией. – Ну ладно, всё это сейчас нам только на руку. Ничто не мешает внести необходимые поправки в судьбу мальчишки. Надо его устранить. Ему не место рядом с вирефией.

У того, другого, отличный магический потенциал. Он нам подходит. Чтоб выиграть партию, нужно только поменять фигуры местами. Ты этим займёшься, – заявил Тахльхар, возвращая папку агенту.

– Шеф, а вы уверены, что мы имеем право вмешиваться? Свою судьбу и свой выбор вирефия определяет сама, и никто ей не указ, – в голосе агента отчётливо звучало сомнение в разумности намерений шефа. – Она уже сделала свой выбор. Это любовь, тут ничего не попишешь. Любовь нужна ей, как воздух, иначе...

– Ты думаешь, я этого не знаю?! – резко выдал Тахльхар. – Да, любовь нужна ей, как воздух, но и магия ей нужна не меньше! В прошлый свой приход она выбрала себе в пару обычного. Тогда я не стал вмешиваться, потому что в тот раз это не было так критично, но если она и на этот раз поступит так же, этот её приход может стать последним. Без магии её искра угаснет, и баланс между Светом и Тьмой нарушится. Надеюсь, мне не нужно объяснять агенту Отдела Равновесия, чем это может грозить?! – сверкнул глазами шеф. – Рядом с вирефией должен быть маг! Сейчас она слаба, как никогда прежде! Ей нужна поддержка! Ты сделаешь всё возможное, чтоб девчонка не погибла по собственной глупости и не подкинула нам проблему вселенского масштаба, – безапелляционно заявил он.

– Разумеется.

– Эл, – внезапно смягчил тон Тахльхар, – я понимаю, что воину привычнее гонять демонов по Вселенной, чем копать в человеческих отношениях и заниматься сводничеством, но эту работу я могу доверить только тебе. Всё очень серьёзно.

– Не беспокойтесь, шеф. Я хорошо знаю людей. В их душах всегда есть укромные уголки, где они хранят свои обиды, сомнения и сожаления о несбывшихся надеждах. Стоит только заставить их заглянуть в себя поглубже, и они уже ни в чём не уверены и во всём готовы сомневаться. Думаю, у нас есть все шансы изменить ситуацию, не прибегая к крайним мерам.

– Отлично. Действуй. И держи меня в курсе.

Глава 1

Мало ли что может плавать в тёмной воде

Закатное солнце, утомлённо сползая за линию горизонта, щедро плеснуло багрянцем, окрасило алым гребни морских волн, словно желая оставить им как можно больше своего тепла напоследок. Шумное море, принимая этот дар, чуть притихло, и его непокорный рокот стал похож на содержательный шёпот, довершая гармонию, воцарившуюся в этот момент в природе.

Юноша и девушка медленно брели вдоль берега, взявшись за руки, рассекая босыми ногами размывающие песок волны и серьёзно внимая их вкрадчивому шёпоту. Морской бриз, который один не желал поддаваться всеобщему состоянию покоя и благодушия, бесцеремонно трепал подол платья девушки, спутывал её длинные рыжие волосы, вынуждая время от времени сбрасывать непокорные пряди с лица. Но девушка не обращала никакого внимания ни на ветер, тщетно пытающийся вывести её из равновесия своими порывами, ни на солёные брызги, летевшие ей в лицо и щекотавшие кожу. Тепло, которым была согрета её ладонь, утонувшая в широкой ладони юноши, идущего с ней в ногу, было единственным ощущением, имевшим для неё значение в этот момент. Её спутник замедлил шаг, и она, моментально уловив смену ритма, остановилась и повернулась к нему лицом. Закат преобразил всё вокруг, размыл формы, приглушил краски, спутал оттенки, но ей не нужен был дневной свет, чтоб отчётливо видеть в его глазах бездонную синеву небес, так же, как ему ничто не могло помешать разглядеть в её взгляде буйную зелень весенней листвы. В этот миг им обоим казалось, что мир создан только для них двоих, и гармония в нём царит сейчас лишь потому, что их взгляды так откровенны, мысли и чувства так прозрачны, а сердца одинаково горячи.

Волшебство момента внезапно было разрушено оглушительными жизнерадостными воплями и визгом ещё одной парочки, которая, по всей видимости, имела несколько иное представление о романтике. Слетая на бешеной скорости с крутой прибрежной насыпи, взрывая пятками песок и горлая, как дикарь, ступивший на тропу войны, к морю нёсся кудрявый светловолосый парень в синих плавках, преследуемый своей подружкой. Его преследовательница, которой не удавалось развить необходимую скорость, чтоб дотянуться до парня руками, сбросила с себя на ходу пляжные тапки и запустила в него вначале одним, потом другим, оба раза промахнувшись, вероятнее всего, намеренно. Какое-то время эти двое носились по пустынному берегу, играя в догонялки, сопровождая свои действия соответствующим звуковым сопровождением и забавляя первую пару, стоявшую по щиколотку в воде, не размыкая объятий, и с удовольствием наблюдавшую за весёлым представлением.

Девушка, охотившаяся на шумного парня в плавках, была в красном закрытом купальнике, облегавшем ладную фигурку. Её движения были ловкими и не лишёнными грациозности, длинные русые волосы, собранные на затылке в конский хвост, разлетались по ветру, большие серые глаза азартно блестели, и не было ничего удивительного в том, что во взглядах, которые бросал на неё, спасаясь от погони, её друг, сквозило не только веселье. В конце концов, преследуемый был загнан своей преследовательницей в море, и они устроили там возню, разбрызгивая воду, как парочка съехавших с катушек дельфинов.

– Ай, Дэн, ну всё,пусти,пусти,я сдаюсь! – взмолилась девушка, когда парень, решив изменить условия игры, перехватил её обеими руками поперёк туловища и поволок на глубину. – Я больше не буду, честное слово! – пищала она, отчаянно дрыгая ногами и пытаясь вывернуться из его захвата.

– То-то же, – самодовольно усмехнулся Дэн и крутанул её в воде, поворачивая к себе лицом.

Она обхватила его руками за шею и одарила солёным поцелуем, вернув окружающей обстановке состояние тишины и покоя на целую минуту. Потом с ловкостью угря выскользнула из его объятий, откинулась на спину и быстро поплыла, вспенивая воду ногами и хихикая.

– Лиз, ну ты куда? Так не честно! – возмутился Дэн.

– А ты догони, – задорно ответила Лиза, перевернувшись на живот и поплыла вдоль линии берега ещё быстрее, стремительно удаляясь от него.

– Ах, так! Ну ладно, – хмыкнул Дэн, нырнул и через пару секунд вынырнул рядом со своей подругой, заставив её оглушительно взвизгнуть от неожиданности.

– Да что ж ты так орёшь? Оглохнуть же можно, – смеялся Дэн, снова сгребая её в охапку. – Ну что, попалась? Больше ты от меня не улизнёшь.

– И-и-и-и! – пронзительно визжала Лиза, корчась от смеха. – Пусты, пусты, щекотно! Ну, пожалуйста, Дэн!

– Ну, всё, всё, успокойся, – сжалился над ней Дэн. – А так не щекотно? – лукаво улыбнулся он, плотно прижав её к себе и собирая губами солёную влагу с её шеи.

– Так нет, – сдавленно хохотнула она.

Они стояли по грудь в воде, и море, волнуясь, чуть покачивало их, заставляя удерживать равновесие.

– А так? – выдохнул он ей на ухо, настойчиво продолжая свои исследования.

– Прекрати, Дэн. Лин и Никита всё видят, – тихо сказала она, сделав неуверенную попытку его унять.

– Да ладно тебе. Им нет до нас дела, – заявил Дэн. – И вообще, ты слишком много... болтаешь, – пробормотал он, осторожно пробуя её губы на вкус.

Ни Лин, ни Никите, действительно, не было до них дела. Они уже взбирались по песчаной насыпи, отделявшей прибрежную зону от огромной поляны, на которой раскинулся палаточный городок, битком набитый отдыхающими.

Лиза вдруг почувствовала, что её спины коснулось что-то плотное, обтекаемое, и, вероятно, живое. Она взвизгнула и бестолково забарахталась в воде, цепляясь руками за Дэна. Тот, не вполне понимая, что происходит, сделал рывок назад, увлекая её за собой.

– Что?! Что случилось?! – выкрикнул он, продолжая пятиться, судорожно прижимая к себе девушку.

– Там что-то есть! Ай, мамочки, я боюсь! – продолжала пищать Лиза, в панике карабкаясь на него, ограничивая ему свободу движений и заставляя хлебать солёную воду.

– Да тихо ты! – пытался привести её в чувство Дэн, фыркая и отплёвываясь. – Лиза, прекрати, ты нас утопишь! – рявкнул он.

Удивительно, но Лиза послушалась. Она продолжала цепко держаться за Дэна, но дёргаться перестала. Дэн высвободил одну руку и, вытянув её вперёд раскрытой ладонью вверх, произнёс:

– Стэлла люцере!

На его ладони медленно вспухал сгусток света, постепенно увеличиваясь в размерах. Достигнув размеров теннисного мячика, этот сгусток отделился от ладони и стал подниматься вверх, излучая голубоватый свет и довольно ярко освещая несколько метров окружающего пространства.

– Лиз, это, наверное, какая-нибудь рыба. Это же море, тут должны быть рыбы, – бормотал Дэн, всматриваясь в то место, откуда они только что сбежали. – Постой-ка тут, я посмотрю.

Он немного отодвинул Лизу от себя и подался вперёд.

– Дэн, не ходи туда, пошли на берег, я не хочу больше купаться, – ныла Лиза, удерживая его за руку. – Я боюсь. Вдруг это какая-нибудь хищная рыба. Вдруг это акула.

– Нет здесь акул, Лиз. Они тут не водятся, – Дэн сделал вперёд пару напряжённых шагов. – О, смотри, это медуза! Точно, медуза! Эх ты, трусиха, медузы испугалась. Чуть не утопила нас обоих из-за такой ерунды, – облегчённо рассмеялся он, обнаружив причину их злключения.

Крупная голубая медуза спокойно покачивалась на волнах, оставаясь совершенно равнодушной к той суматохе, которую она вызвала своим появлением.

– Что ты смеёшься? – обиделась Лиза. – Мало ли что тут может плавать в тёмной воде. Не пойду больше купаться так поздно, – буркнула она, надула губы и решительно двинулась к берегу.

– Лизок, ну не обижайся, я же пошутил, – бросился Дэн за ней следом.

– Действительно, мало ли что тут может плавать. Знаешь, на самом деле, я очень рад, что это оказалось всего лишь медузой. Я бы жутко расстроился, если бы какая-нибудь нахальная прожорливая рыбина вероломно подкралась бы к тебе в мутной воде и откусила бы от тебя самый аппетитный кусочек. Это было бы прискорбно, – с траурным видом заявил он, обнимая её за талию. – Но ты знай, что мои чувства к тебе всё равно остались бы прежними, потому что я люблю тебя вне зависимости от объёма твоей филейной части. Такой уж я романтик.

– Дэн, ты придурок, – расхохоталась Лиза.

Он тоже рассмеялся, подхватил её на руки и нёс, шутливо раскачивая, до самой насыпи. Потом они подобрали Лизины тапки, которые та разбросала в пылу погони, дружно вскарабкались наверх и двинулись к палаткам, держась за руки и продолжая смеяться над своим приключением.

Маленький светящийся шарик ещё висел какое-то время над морем, наверняка раздражая флегматичную медузу своим неуместным в такой поздний час ярким светом, но вскоре магия иссякла, и всё встало, наконец, на свои места. Сумерки сгущались, окружающая обстановка становилась с каждой минутой всё более таинственной. Багряные разводы совсем исчезли с поверхности воды, и бледная луна, пользуясь моментом, расстелила на ней свою серебристую дорожку.

* * *

В палаточном городке, несмотря на поздний час, жизнь кипела. Его временное население состояло в основном из молодёжи, предпочитающей романтику летних ночей на лоне природы, с песнями у костра под писклявый аккомпанемент комариного хора и ночёвкой вповалку в тесной брезентовой палатке, отдыху со всеми удобствами в каком-нибудь комфортабельном отеле. Любителей такого времяпровождения набралось немало, территория была плотно заставлена палатками всех цветов и размеров.

С западной стороны к городку, занимавшему пару километров прибрежной зоны, примыкала густая сосновая роща, определяя одну из его границ. Впритык к этой границе, немного на отшибе, раскинулись три палатки, две четырёхместные и одна двухместная, расположившись плотной группкой и образуя свой собственный маленький лагерь. В этом лагере с относительным комфортом разместилась вся команда седьмого этажа магического корпуса университетской общаги, намереваясь провести тут две недели. Первый день в лагере прошёл немного суматошно и показался всем каким-то слишком коротким, поэтому даже, когда закат совсем угас, ни у кого и в мыслях ещё не было идти спать. Все расселись попарно на брёвнах вокруг костра, вдыхая терпкую смесь из запахов хвои, морской соли и дыма, весело переговариваясь и ощущая в полной мере всю прелесть дикого отдыха.

Женя, Илья, Денис, Лиза, Пётр и Глеб окончили к этому времени третий курс, Эмма – четвёртый, Ася и Никита перешли на третий, Лин – на второй. Инициативная Лиза, как обычно, вовремя подсутилась с предложением провести летние каникулы на море в полном составе и приложила все усилия, чтоб никому не удалось увильнуть от общественного меро-

приятия. На самом деле, особых усилий от неё и не потребовалось, все с удовольствием поддерживали эту идею. Даже Глеб на этот раз не стал отбиваться от коллектива. Эмма, зная, что работу в больнице он не оставит, была готова к тому, что летние каникулы ей придётся провести так же, как в прошлом году, хозяйничая в его холостяцкой квартире, но Глеб настоял на том, чтоб поехать вместе со всеми на море. К счастью, телепортация решала все технические сложности. Утром Глеб привёз Эмму в лагерь, потом перенёсся в больницу, где провёл весь день, занимаясь своими пациентами, а вечером вернулся обратно. Для него самого отдых на море сводился к вечерним посиделкам у костра и ночёвкам в палатке, но он не сомневался в том, что Эм будет отлично проводить время в его отсутствие в дружеской компании, купаясь и греясь на солнышке, и его душа была спокойна, а совесть чиста.

Совесть Петра, в отличие от совести Глеба, как раз имела все основания досажать парню упрёками, потому что для того, чтоб поехать вместе со всеми, ему пришлось оставить свою любимую паучиху Каролину на попечении родителей. Впрочем, Пётр утешился мыслью о том, что Каролину в его отсутствие будут холить и лелеять, скрашивая ей тоскливые минуты разлуки с хозяином заботливым уходом и усиленным питанием, благополучно забил на совесть и перестал прислушиваться к её упрёкам ещё утром. Сейчас он получал от жизни ничуть не меньше удовольствия, чем его товарищи.

Прозрачность звёздной летней ночи, тихий шёпот сосен, уютное тепло костра, всё способствовало созданию той неповторимой атмосферы, без которой отдых в дружеской компании на природе потерял бы своё очарование. Шумное веселье потихоньку улеглось, охотно уступая место романтическому настрою и спокойному созиданию. Никита принёс из палатки гитару и стал тихонько перебирать струны, подбирая мелодию. Отдельные звуки слились в звенящие, берущие за душу вступительные аккорды старой бардовской песни, заставив всех окончательно притихнуть. В мелодию плавно вплетались слова:

" Мне твердят, что скоро ты любовь найдёшь
И узнаешь с первого же взгляда.
Мне бы только знать, что где-то ты живёшь
И, клянусь, мне большего не надо..."

Нельзя сказать, что Никита виртуозно владел инструментом, или обладал выдающимися вокальными данными, но в его исполнении было что-то пробирающее до мурашек, какая-то душещипательная нежность с лёгким налётом грусти, заставляющая, затаив дыхание, вслушиваться в простые слова, обнаруживая в них неожиданную глубину.

"...Снова в синем небе журавли трубят,
Я брожу по краскам листопада.
Мне б хотя бы мельком повидать тебя
И, клянусь, мне большего не надо..."

Пётр сидел на бревне рядом с Асей, обнимая её за плечи, слушал песню и ощущал какое-то непонятное смутное беспокойство, которое возникло как-то внезапно на фоне полного благополучия и умиротворения, и с каждой секундой всё усиливалось. Он видел сквозь пелену дрожащего горячего воздуха лицо Лин, раскрасневшееся то ли от жаркого пламени костра, то ли оттого, что Никита не сводил с неё глаз и пел, вкладывая в песню собственные чувства, и не понимал, что такое с ним творится. Что-то в его душе назойливо ныло, саднило, что-то в ней выворачивалось наизнанку и становилось с ног на голову. Губы Лин тронула улыбка, и у него в груди будто струна лопнула со стоном, хлестнув острыми обрывками по болевым точкам. Больно. Как-то слишком больно. Лучше бы он никогда в жизни не прикасался к этим губам...

А песня всё звучала, и каждое слово, каждый аккорд продолжали отзываться в сердце щемящей болью:

"...Дай мне руку, слово для меня скажи.
Ты – моя тревога и награда.
Мне б хотя бы раз прожить с тобой всю жизнь
И, клянусь, мне большего не надо..."¹

Пётр был абсолютно уверен до этого момента, что давно справился, что всё уже отболело, отсохло, затянулось, забылось... Что же это такое? Неужели эта боль так и будет жить в нём до скончания века? Боль и... любовь, которая не ржавеет...?

Ася поёрзала на бревне и доверчиво прижалась к нему плотнее, устраиваясь у него под боком, как птенчик под крылышком. У него вдруг перехватило дыхание. Колючий холодок пробежал по спине. Сердце на миг как будто совсем остановилось. Внезапно возникло леденящее кровь ощущение, что он из-за собственной глупости может потерять её, свою Асю, и этот страх оказался сильнее всех остальных чувств, сразу расставив всё по своим местам. Вот оно, настоящее, реальное счастье – его Аська, его кроха, близкий, родной человечек. Она одна ему нужна. Он за неё в огонь и в воду. Никогда он её не обидит, не предаст, не причинит ей боль. Никогда. А всё остальное не имеет значения. Всё остальное – минутная слабость, блажь, глюки, заморочки.

Он обнял Асю обеими руками и зарылся носом в её волосы. Вероятно, в душевном порыве слишком сильно стиснул её в объятьях, потому что она сдавленно пискнула и попыталась высвободиться из его рук.

– Ай, Петь, ты чего? Ты же меня задушишь, – тихонько хохотнула она и сделала попытку заглянуть ему в лицо.

– Прости, – пробормотал он, снова осторожно прижимая её к себе. – Не холодно тебе?

– У-у.

Он чмокнул её в макушку и шепнул на ухо:

– Аська, я люблю тебя.

Она ответила ему красноречивым вздохом и прижалась к нему плотнее.

Вот так. Теперь всё правильно, теперь всё хорошо.

Между тем, общее настроение в компании успело поменяться. Гитара переключалась к Дэну, и все уже покатывались со смеху, слушая его частушки-нескладушки. Долго ещё заседали, пока совсем не выдохлись, потом потушили костёр и стали расползаться по палаткам.

* * *

Никита проснулся посреди ночи весь в холодном поту, испытывая острое чувство тревоги, вызванное беспокойным сном. В этом сне он долго и отчаянно карабкался по отвесному склону высоченной горы, судорожно цепляясь за ненадёжные сыпучие каменистые выступы, рискуя сорваться в тёмную пропасть, в которой что-то угрожающе рокотало и трещало. Сон прервался, но жуткая какофония почему-то продолжалась, раздражая слух, испытывая нервы на прочность и вызывая ощущение реальности ночного кошмара. Никите понадобилось какое-то время, чтоб прийти в себя и понять, наконец, что устрашающие звуки – это всего лишь раскатистый храп безмятежно дрыхнувшего Дэна, ночующего с ним в одной палатке, перекликающийся со стрекочущими трелями цикад, доносящимися снаружи. У Никиты появилось страстное желание хорошенько ткнуть храпуна локтем под рёбра в отместку за пережитый

¹ Песня Юрия Визбора «Мне твердят»

ужас. Не без труда сдержав свой порыв, он сердито тряхнул Дэна за плечо. Тот, ещё раз оглушительно всхрипнув, перевалился на бок, почмокал губами и затих. Никита в свою очередь раздражённо повернулся к Дэну тылом, мысленно изливая в крепких выражениях своё негодование по поводу не слишком удачного соседства и рассчитывая залезть под бочок к Лин, чтоб получить компенсацию за моральный ущерб, но её спальное место пустовало. Унявшаяся было тревога поднялась в его душе с новой силой.

Он знал, почему и зачем она уходит, но никогда не знал куда, ничего не мог с этим поделать и никак не мог к этому привыкнуть. Умом он понимал, что привыкнуть придётся, что к этому следует относиться, как к чему-то обыденному, само собой разумеющемуся, и честно старался не раздражаться по этому поводу, но всё равно раздражался и беспокоился всякий раз, когда она уходила. Почему-то он не верил тому, что то, что ей приходится делать для других, так уж безопасно для неё самой, и боялся, что она может уйти однажды и не вернуться, а он не будет иметь ни малейшего понятия, где она и что с ней. Кроме страха за неё был во всём этом ещё один малоприятный для Никиты момент. Время от времени назойливая мысль об этом нюансе выползала из его подсознания, но он всякий раз упорно заталкивал её обратно, отстаивая перед самим собой своё моральное право на то, чтоб быть рядом с такой девушкой, как Лин. Если бы кто-нибудь другой рискнул бы выразить хоть малейшее сомнение в том, что у него есть это право, Никита незамедлительно привёл бы веские аргументы в свою пользу, заткнув сомневающегося рот кулаком. Но в глубине души он сам таил подобные сомнения, и это вносило в его отношения с Лин какую-то едва ощутимую горечь.

Он лежал, напряжённо всматриваясь в темноту, и ждал. К счастью, она никогда не уходила надолго. Через какое-то время его глаза уловили во мраке слабое свечение. Он ощутил её присутствие прежде, чем разглядел силуэт на фоне брезентовой стенки палатки.

– Лин, – тихо позвал он.

Она скользнула к нему под бок и шепнула в ответ:

– Ты что не спишь?

– Тебя жду.

Он обнял её со спины и почувствовал, что она дрожит.

– Замёрзла?

– Угу, немножко.

– Сейчас согрею.

Он сгрёб её в охапку, плотно прижал к себе, согревая. Она обмякла в его объятьях, дыхание становилось всё ровнее.

– Лин, ты спишь? – поинтересовался он шёпотом через какое-то время. Она пробормотала что-то невнятное в ответ.

– Ну, спи, спи.

Он тихонько погладил её руку, расслабленно вздохнул и тоже погрузился в сон.

Глава 2

Страсть к энтомологии и чужие секреты

Ближе к десяти часам утра на пляже уже яблоку негде было упасть. Народ с завидным энтузиазмом жарился на солнце, плюхался в воде, поглощал провизию, обставлял друг друга в карты-шашки-шахматы, травил анекдоты, обсуждал знакомых и незнакомых и занимался другими, не менее интересными делами, отдыхая от непосильных трудов, проводя время с пользой для ума и тела в заслуженной праздности. Те, у кого была потребность в более активном времяпровождении, затевали традиционные пляжные игры.

Пётр лежал на подстилке, подставив солнцу тыл и уткнувшись носом в книгу. Время от времени он отрывался от чтения и поглядывал на своих друзей, которые, образовав неподалёку небольшой круг, играли в мяч, пасуя его друг другу и обмениваясь весёлыми репликами. Играли пятеро: Илья, Женька, Ася, Дэн и Лиза. Женька чаще всех упускала мяч, но её нисколько не смущали ни собственные промахи, ни подковырки Дэна по этому поводу. Миниатюрная Ася на удивление легко принимала даже самые коварные подачи и заставила Дэна, который до сих пор считался лучшим игроком в компании, пару раз оконфузиться.

Мяч со свистом рассекал воздух, перелетая от одного игрока к другому. Илья, получив пас от Лизы, отбил мяч кончиками пальцев и послал его Дэну. Тот, сцепив руки в замок, сильным ударом отпасовал его Женьке.

– Щас по башке прилетит, – обречённо подумал Пётр и тут же в награду за свою прозорливость получил мощный удар мячом по затылку, подаривший ему возможность в течение нескольких секунд созерцать ослепительный звёздный фейерверк, не отрываясь от книги, в которую он больно ткнулся носом.

– Ой, Петенька, тебе очень больно? – кинулась к нему Ася. Она плюхнулась рядом с ним на колени и нежно потёрла ладонью его затылок.

– Да нормально всё, Ась, – буркнул он, отводя её руку и густо краснея. Ему приятно было, что она о нём заботится, но он предпочёл бы, чтоб о его конфузе все поскорее забыли. В ситуации, вроде бы, не было ничего постыдного (в конце концов, любой может получить по голове мячом), но Петру, всё же, было так неловко, будто он у всех на глазах сделал что-то ужасно глупое. Ну почему вечно именно с ним случаются такие дурацкие неприятности?!

– Извини, брат. Не сильно я тебя зашиб? – поинтересовался Дэн, скорчив сочувственную мину, но его взгляд был откровенно насмешливым. – Мозг не сломан?

– Нормально всё, – фыркнул Пётр. Он принял сидячее положение, подцепил рукой мяч и бросил его Дэну. – Идите, играйте дальше.

Дэн поймал мяч и сделал жест, приглашая Асю продолжить игру.

– Ладно, – согласилась Ася, поднимаясь на ноги. – Только давайте тогда передвинемся вон туда, – она указала рукой на небольшое свободное пространство немного в стороне оттого места, где они играли до сих пор. – Там мы меньше рискуем попасть в кого-нибудь мячом. Петь, я ещё немножко поиграю, и пойдём купаться. Хорошо? – прибавила она, повернувшись к Петру.

– Конечно, – согласно кивнул он в ответ.

Игроки переместились на новое место, а Пётр снова погрузился в чтение.

Через некоторое время вернулась из моря Лин. Она молча взяла полотенце, закуталась в него и уселась на подстилку на приличном расстоянии от Петра. Пётр бросил на неё короткий взгляд и сразу же снова уткнулся в книгу. Какое-то время Лин сидела с закрытыми глазами, подставляя солнцу лицо, потом взглянула на парня. Тот, будто только этого и ждал, сразу оторвался от чтения и повернулся к ней. Она тепло улыбнулась ему и спросила:

– Ты что не купаешься?

– Я позже пойду... Ася пока с ребятами играет, мы потом вместе пойдём, – ответил он.

– Понятно...

– А Никита и Эм ещё купаются? – спросил Пётр просто, чтоб что-то спросить.

– Угу. Эм, по-моему, вообще может весь день не вылезать из моря, – снова улыбнулась

Лин. – Никита тоже любит подолгу в воде киснуть. А я уже устала плавать...

Она скинула с себя полотенце, улеглась на живот, опустила лицо на руки и закрыла глаза. Пётр пытался читать дальше, но никак не мог сосредоточиться. Присутствие Лин его волновало, и от этого на душе было как-то неуютно и беспокойно. Он не мог справиться с этим беспокойством и почему-то стал сердиться на Аську, которая всё никак не наиграется в свой дурацкий мяч. Пока он раздумывал о том, не стоит ли уже напомнить Асе о своём существовании, пришёл Никита, весь мокрый с головы до ног. Он подкрался к Лин и брызнул ей на спину водой, вероятно ожидая от своей девушки бурной реакции, но Лин лишь недовольно поёжилась и даже головы не подняла.

– Ли-ин, – позвал Никита, – ты что, спишь, что ли?

– Угу, сплю, – пробубнила Лин, продолжая лежать с закрытыми глазами.

Никита уселся на подстилку между нею и Петром.

– Нельзя спать на пляже. Ты так сгоришь, – сказал он, поглаживая Лин по спине ладонью. – Давай, я тебя накрою полотенцем.

– Под полотенцем мне жарко, – пробормотала Лин, приоткрыв один глаз. – Я полежу чуть-чуть и опять купаться пойду, чтоб не обгореть.

Пётр, который не пропустил ни одного слова из их разговора, отложил в сторону книгу и заявил, обращаясь к Никите:

– Надо сделать тень. Солнце уже слишком активное.

Никита повернулся к нему и согласно кивнул:

– Да, надо что-то придумать.

Он обвёл взглядом окружающую обстановку. Дикий пляж не был снабжён навесами и зонтиками, отдыхающие вынуждены были решать проблему защиты от солнца самостоятельно. В первый день своего пребывания в лагере ребята попали на пляж только после обеда, когда солнце уже не было таким активным, и как-то упустили из виду этот момент. Никита отметил про себя, что надо будет сходить в ближайший посёлок и поискать в хозяйственном магазине раскладной зонт, а пока придётся соорудить что-нибудь из подручных материалов, чтоб Лин не обгорела на солнце. У неё такая светлая кожа, на открытом солнце никакие защитные кремы её не спасают.

– Можно сходить в рощу за палками, чтоб натянуть на них покрывало. Идёшь со мной? – обратился он к Петру.

– Можно сделать проще, – сказал тот, поднимаясь на ноги.

Он вытянул обе руки перед собой ладонями вверх и произнёс:

– Дэнус альбум.

Тонкий слой воздуха над его головой уплотнился, превращаясь в подобие прозрачного защитного экрана, под которым сразу появилась тень. Пётр сделал ещё несколько движений руками, перемещая и вытягивая этот экран так, чтоб он оказался над тем местом, где лежала Лин, и защищал половину пространства, которое занимала их компания.

– Вот. Пусть будет и тень, и солнце, кому что надо, – сказал он, опуская руки.

Лин приподнялась на локтях и задрала голову вверх, разглядывая защиту. Сквозь экран, как сквозь стекло, было видно небо и солнце, но солнечные лучи не жгли кожу и не раздражали глаза.

– Ух-ты, как здорово, – восхитилась она. – Спасибо, Петь.

– Да не за что, – ответил Пётр, чувствуя, что краснеет под её взглядом.

– ...Пойду, позову Асю купаться, – заявил он, поспешно развернулся и направился к играющим.

Никита смотрел ему вслед и испытывал досаду. Как этим магам просто живётся! Взмахнул руками, побормотал и, пожалуйста, нате вам – тенёчек, как заказывали! В такие моменты Никита чувствовал себя почти ущербным. Что толку, что он из тех парней, у которых и голова на месте, и руки откуда надо растут? Он обычный, магов ему не переплюнуть, хоть лоб расшиби. Нет, в принципе, ему нет дела до магии, он по жизни прекрасно обходится без всяких там сверхспособностей. Да и против самих магов он, в общем-то, ничего не имеет. Они хорошие ребята, с ними можно отлично ладить. Даже этот Петька, в сущности, нормальный парень. Всё бы ничего, если б Лин не была одной из них. Как он ни старается не придавать этому факту слишком большого значения, его мужское самолюбие время от времени демонстрирует ему свои язвы.

Никита улёгся на спину рядом с Лин и уставился в небо, по которому медленно тащились редкие облака, раздражая своей спокойной вальяжностью, в корне расходящейся с его настроением. Он лежал так какое-то время, подавляя недовольство в душе. Немного успокоившись, перевернулся на бок и взглянул на Лин. Та дремала, положив лицо на сложенные руки. Что-то в этой её сонливости вдруг показалось ему подозрительным и встревожило его. Он протянул руку и погладил Лин по плечу. Она повернула к нему лицо и открыла глаза. Он несколько секунд внимательно на неё смотрел, потом спросил, обеспокоенно:

– Лин, с тобой всё в порядке? Ты какая-то бледная, вялая, засыпаешь всё время. Нормально себя чувствуешь?

– Всё нормально, не волнуйся, – улыбнулась в ответ Лин. – Я просто не выспалась.

– Ну да..., – кивнул он, не слишком удовлетворившись её ответом. – ... Ночью тебя долго не было. Ничего не случилось? Всё было нормально?

Она удивлённо вскинула брови:

– Ну конечно. Всё было, как обычно.

Он почему-то ей не поверил. Вероятно, сомнения отразились на его лице, потому что она вдруг порывисто села, толкнула его в плечо, заставив перевалиться на спину, и, нависая над ним, заявила:

– Ты что придумываешь? Со мной ничего не может случиться. Немедленно выброси из головы всякие глупости, – повелительным тоном выдала она и впилась в его губы с излишней для людного места горячностью.

У Никиты на секунду возникло ощущение, что ему пытаются заткнуть поцелуем рот, но это чувство тут же утонуло в волне других ощущений.

– Лин, прекрати немедленно, – негромко хохотнул он, поспешно садясь и отпихивая её от себя. – Ты что, сдурела? Мы же на пляже. Хочешь поставить меня в идиотское положение?

Она прыснула в ладони, лукаво взглянула на него и насмешливо заявила:

– Пошли в воду. Прохладная водичка остужает.

– Вот язва, – с напускной обидой прошипел он. – Я о ней беспокоюсь, а она надо мной издевается.

– Так я же тоже о тебе беспокоюсь, – хихикнула Лин. – Ну, так что? Идём купаться?

– Идём, конечно, – фыркнул он, поднимаясь с места и подавая ей руку.

Она легко вскочила, обвила рукой его шею, тронула губы дразнящим мимолётным поцелуем и побежала к морю. Он понёсся за ней следом, догнал в воде, подхватил на руки, кружил в волнах, поднимая вокруг фонтаны сверкающих брызг, заставляя её визжать и смеяться, и отчётливо ощущая, что у него есть все основания считать себя счастливым.

Обедать ходили в ближайший посёлок, в котором к услугам отдыхающих, не желающих утруждать себя готовкой, было несколько точек общепита, обеспечивающих им вполне приличный прокорм. После обеда не пошли сразу на море, а устроились всей командой в сосновой

роще, пережидая солнцепёк под сенью деревьев. Девушки, расположившись плотной группкой немного в стороне от парней, о чём-то перешёптывались и хихикали, а парни, не обращая на них внимания, азартно дулись в карты. Никита, Дэн и Илья бессовестно жульничали, кто во что горазд, соревнуясь друг с другом в изобретательности и раз за разом оставляя простодушного Петра в дураках. Пётр довольно долго стойчески переносил поражения, наивно полагая, что в игре всё зависит от удачи, которая рано, или поздно должна и к нему повернуться если не лицом, то хотя бы боком. Но потом до него дошло, что его противники, в отличие от него самого, не полагаются на удачу, а активно ей содействуют, и играть ему расхотелось. Оставшись в очередной раз в дураках, Пётр вышел из игры и попытался привлечь к себе внимание Аси, надеясь, что она составит ему компанию, но та была слишком увлечена болтовнёй с девочками, и ей на тот момент было не до него. Он не стал обижаться на Асю за то, что она предпочла общение с подружками его обществу, считая, что его девушка имеет на это полное право. У него никогда не возникало проблем с тем, чтоб придумать чем себя занять и как скоротать свободное время. Пётр сходил к палаткам, взял блокнот и карандаш и направился вглубь рощи, подыскивая подходящий для наблюдения объект. После непродолжительных поисков он обнаружил под одним из деревьев большой муравейник и, усевшись неподалёку на землю, устланную мягким пружинистым мхом, стал с интересом наблюдать за муравьями, попутно зарисовывая воздвигнутый этими неугомонными тружениками мегаполис.

Муравьи деловито сновали туда-сюда, занимаясь своими повседневными делами. Один из них целеустремлённо карабкался по резному листу папоротника, торопясь забраться как можно выше. Интересно, зачем? Чтоб потом просто спуститься вниз в том же темпе? Или он собирается, доверившись легкомысленному ветерку, совершить отчаянный полёт в неизвестность, чтоб внести разнообразие в свою монотонную и упорядоченную муравьиную жизнь?

Набросав на бумаге крупными штрихами муравейник, Пётр стал тщательно прорисовывать на переднем плане лист папоротника и муравья, покоряющего вершину с неведомой целью. Он почти закончил рисунок к тому времени, как муравей достиг острия листа. Пётр, затаив дыхание, следил за его дальнейшими действиями. Муравей потоптался на вершине пару секунд, потом развернулся и побежал вниз, выписывая по пути кренделя и методично исследуя резную поверхность листа, но упорно стремясь обратно, к своему муравейнику.

Пётр не успел закончить рисунок. Несколько муравьёв, по-видимому, решили, что его ноги – не менее подходящий объект для исследования, чем лист папоротника, причём, кое-кто из исследователей счёл необходимым собрать сведения не только об их рельефе, но и о степени их пригодности в пищу. Пётр, издав звук негодования, резво подскочил и стал отряхиваться от назойливых букашек. Почёсывая укушенные места, он двинулся обратно в сторону лагеря, решив, что рисунок можно закончить в более спокойной обстановке по памяти, но не прошёл и десяти метров, как зацепился ногой за какую-то корягу и рухнул лицом вперёд, больно обдирая колени и ладони об торчащие из земли корни. Пётр высказал вслух своё недовольство в выражениях, которые он позволял себе только в исключительных случаях, когда был абсолютно уверен, что ничьих ушей они не коснутся, и стал, покряхтывая, подниматься с земли. Отряхнул запачканные землёй ладони об шорты, подобрал свой блокнот, нашарил в траве карандаш и, слегка прихрамывая, двинулся дальше, надеясь, что его злоключения на этом закончатся. Он делал шаг за шагом, сосредоточенно глядя себе под ноги. Вдруг боковым зрением уловил какое-то мельтешение справа от себя и, повернув голову, застыл на месте. Всего в нескольких шагах от него среди тёмных сосновых стволов порхала бабочка. Её большие ярко-синие крылья неровно трепетали, то удерживая её на одном месте, то бросая из стороны в сторону. Пётр какое-то время зачарованно пялился на это чудо, не веря своим глазам. Бабочка впечатляла размерами и яркостью окраски. Петру удалось разглядеть тёмно-коричневую полосу с протянутыми по ней двумя цепочками охристо-оранжевых пятнышек, окаймляющую края её крыльев.

– Не может этого быть, – изумлённо пробормотал он. – Морфо анаксибия... Откуда она здесь?! Она же водится только в тропиках...

Чудо какое-то. Или глюки. Может, я головой долбанулся, когда грохнулся?

Он сделал пару осторожных шагов, приближаясь к бабочке, чтоб получше её рассмотреть. Шаг за шагом он подбирался к ней всё ближе, но и бабочка не оставалась на одном месте, перепархивая от ствола к стволу и увлекая его за собой вглубь рощи. Пётр, как зачарованный всё шёл за ней, не замечая, что уходит всё дальше от лагеря. Он безотчётно старался ступать как можно тише и осторожней, надеясь, что бабочка, наконец, присядет на какую-нибудь ветку и позволит ему рассмотреть себя, как следует.

Роща была наполнена характерными звуками: птичьим посвистыванием, похлопыванием крыльев, поскрипыванием веток, шорохом листвы. Где-то высоко в кронах деревьев носились белки. Пётр всё шёл за бабочкой, практически не различая среди всего этого шума звука собственных шагов.

Вдруг раздалось какое-то очень громкое, протяжное и пугающее своей резкостью уханье. Пётр присел от неожиданности и опасливо завертел головой во все стороны. Через пару секунд до него дошло, что так, вероятно, кричит какая-то птица.

– Тьфу-ты, нечисть такая, – испытывая досаду и в то же время облегчение, буркнул парень, – это ж надо так вопить.

Пётр успокоился и сразу вспомнил о причине своего пребывания тут. Каково же было его огорчение, когда он обнаружил, что бабочки, за которой он притащился в эту чащу, и след простыл. В состоянии близком к панике, не желая верить в то, что всё потеряно, он заметался между деревьями, надеясь обнаружить свою пропажу устроившейся на какой-нибудь ветке, но не тут-то было – бабочку будто корова языком слизала. Тщательно обшарив окружающее пространство в радиусе нескольких метров, Пётр пришёл к неутешительному выводу, что поиски следует признать безрезультатными, и решил возвращаться в лагерь. Испытывая сильное разочарование, он обвёл взглядом обстановку, пытаясь определить в какой стороне находится палаточный городок. Поразмыслив пару минут, он выбрал направление и двинулся в путь в самых расстроенных чувствах, досадуя в душе на свою неудачливость и бестолковость. Ему только сейчас пришло в голову, что можно было не бегать за бабочкой по всему лесу, а просто-напросто применить магию, чтоб её поймать.

Минут через десять Пётр засомневался в том, что идёт в нужную сторону. Он остановился и ещё раз огляделся. В этой части рощи деревья стояли довольно плотно, и кроме сосен кое-где попадались какие-то колючие заросли. Пётр сообразил, что идёт не в том направлении и решил, что, пожалуй, разумнее всего будет прямо отсюда телепортироваться в лагерь, вместо того, чтоб продолжать движение, рискуя окончательно заблудиться. Он сосредоточился, задал себе направление и уже собирался телепортироваться, но в последний момент вдруг уловил какой-то странный звук, явно выбивающийся из общего ряда характерных лесных звуков, заставивший его повременить с телепортацией и прислушаться. Пару секунд было тихо, а потом Пётр отчётливо расслышал чьё-то всхлипывание. Он напрягся, весь превратившись в слух, озираясь по сторонам и пытаясь определить, откуда этот звук доносится. Прямо перед ним была плотная стена из зарослей, и Петру показалось, что звук идёт откуда-то оттуда. Он осторожно двинулся вдоль кустарника, пытаясь найти проход. Буквально через пару метров кусты поредели, обнаружился просвет и выход на небольшую полянку. После полумрака, царившего в роще, солнечный свет, заливавший поляну, показался Петру слишком ярким. Он на секунду зажмурился, а когда открыл глаза, чуть не споткнулся от неожиданности. Всего в нескольких шагах от него под одним из деревьев, обхватив руками колени и уткнувшись в них носом, сидела девушка. Длинные рыжие волосы свесились на бок, закрывая от его взгляда лицо.

– Лин?! – ошеломлённо воскликнул он, прежде чем успел о чём-то подумать.

Она нервно дёрнулась, вмиг подхватила с земли, откинула волосы с заплаканного лица и испуганно на него уставилась. Он моментально очутился возле девушки и набросился на неё с вопросами:

– Лин, что случилось?! Тебя обидел кто-то?!

Она отрицательно помотала головой, поспешно вытирая ладонями глаза. Он не поверил, дёрнул её к себе, жёстко ухватив за руку, нервно озираясь по сторонам и готовясь дать отпор опасности, которая может ей угрожать.

– Да нет тут никого! Никто меня не трогал, я одна здесь! – раздражённо воскликнула Лин, вырывая у него руку и отступая на шаг.

Пётр оторопело пялился на неё какое-то время, потом чуть-чуть успокоился и наконец сообразил, что она, вероятно, искала тут уединения, а, следовательно, его появление было не слишком уместным. Он сразу почувствовал себя дураком, и ему стало ужасно неловко за свою бестактность, но развернуться и уйти, оставив её тут в таком состоянии, он тоже не мог. Пётр помолчал немного, раздумывая о возможной причине её слёз, потом не удержался и спросил, возмущённо:

– Он что, снова тебя обидел?

– Кто? – удивлённо вскинула на него глаза Лин и шмыгнула носом.

– Никита, – жёстко ответил Пётр, глядя ей в глаза. – Я убью этого гада, – процедил он сквозь зубы.

У Лин глаза расширились от изумления. Она даже представить себе не могла, что у него может быть такой взгляд, тёмный, тяжёлый.

– Да ты что?! Не обижал он меня! – поспешно заверила она его. – Никита тут совсем ни при чём.

– Тогда что случилось? – спросил он уже другим тоном.

Она опустила глаза, колеблясь с ответом.

– Слушай, Лин, я не отстану, пока ты мне всё не расскажешь, – заявил он, сам удивляясь, откуда в нём сейчас столько решимости. – Это не нормально, что ты сидишь одна в лесу и рыдаешь. Выкладывай, что произошло.

Лин вздохнула и слабо улыбнулась.

– Ладно, я тебе скажу, раз ты так настаиваешь, – сказала она, снова усаживаясь под деревом и обхватывая колени руками.

Он опустился рядом с ней на траву и уставился на неё с серьёзным вниманием. Она какое-то время молчала, отведя взгляд в сторону, потом повернула к нему лицо и сказала, с трудом сдерживая слёзы:

– Петь, со мной что-то не так... Я... я так устала...

Слёзы всё же покатались по щекам против её воли, она уткнулась носом в колени, тихо всхлипывая. Пётр молча пододвинулся к ней ближе и стал осторожно гладить её по голове, желая утешить. От этих прикосновений Лин вдруг почувствовала себя так, будто он не к волосам, а прямо к её сердцу прикоснулся, согревая его своим теплом и давая ей самой ощущение защищённости. Она удивлённо притихла, прислушиваясь к этому ощущению. Её тревоги вдруг показались ей не такой уж серьёзной причиной, из-за которой следовало бы плакать, на душе посветлело, и слёзы неожиданно просохли. Она приподняла голову и взглянула на Петра искоса. Тот сразу убрал руку.

– Извини, я такая плакса, – сказала Лин, вытирая ладонями лицо и смущённо ему улыбаясь.

– Это ты извини, что лезу в душу. Просто, может быть, я могу чем-то помочь. Иногда ведь даже просто поделиться с кем-то бывает полезно, – сказал он, участливо. – Расскажи мне... пожалуйста.

Она согласно кивнула и сказала:

– Это из-за того, что я делаю... из-за моих способностей. Со мной что-то происходит в последнее время...

– Что происходит? О чём ты? – напрягся Пётр.

– Даже не знаю, как тебе это объяснить... В общем, мне, чтоб кому-то помочь, нужно прочувствовать чужую проблему, принять её, как свою собственную, и вытащить и себя, и другого человека из отчаянья. Я вначале позволяю этому отчаянью собой овладеть, а потом истребляю его в себе. Раньше мне удавалось быстро с этим справляться, и у меня никогда не возникало ощущения, что во мне остаётся хоть капля чужого негатива, всё выгорало, исчезало без следа за считанные минуты, а сейчас... Я такую жуткую усталость чувствую после каждого вызова. И физическую, и душевную. Потом всё потихоньку проходит, но я каждый раз опасаясь, что могу срочно кому-то понадобиться, а восстановиться к этому времени не успею... И ещё, у меня такое чувство, что во мне будто медленно, но верно, по пылинке, по крупинке, накапливается чужая боль, как какой-то нерастворимый тяжёлый осадок. Вот, вроде бы, всё у меня хорошо, а в душе какая-то непонятная тоска сидит. Не понимаю, почему это происходит, и не знаю, что с этим делать, – покачала головой Лин, глядя Петру в глаза. – Нет, ты не думай, всё не так уж страшно, – поспешно прибавила она, заметив в его взгляде беспокойство. – Обычно, меня это не так уж и грузит, это сегодня что-то накатило... Просто, сегодня ночью мне показалось, что я могу не справиться... Всего на секунду показалось, но я почему-то не могу выбросить этот момент из головы... Да ещё эта слабость весь день...

Пётр взял Лин за руку и сжал её ладонь.

– Ты испугалась?

Она кивнула.

– Знаешь, на свете столько боли и отчаянья, что мне становится страшно, – сказала она после небольшой паузы, глядя в одну точку перед собой. – Пока не сталкиваешься с этим, кажется, что мир прекрасен, но когда приходится видеть это так часто... Да ещё люди так легко сдаются, впадают в уныние, опускают руки, не карабкаются изо всех сил, не хотят бороться до последнего. Когда у них в душе темно, они не видят света вокруг, не понимают, что способны прорваться к нему, если будут в него верить, – с горячностью говорила Лин. – Ну, скольким я смогу помочь? На скольких у меня у одной хватит сил? Мне кажется, те возможности, которыми меня наделили, они иссякают потихоньку. У меня внутри, – она положила ладонь себе на грудь, – где-то тут... в душе..., есть что-то..., какой-то источник света, который способен разогнать мрак, но мне кажется, что он слабеет, угасает потихоньку. Что, если однажды он совсем угаснет, и я не смогу ни кого-то другого вытащить из сумрака, ни сама оттуда выбраться?

Пётр сжимал её руку и напряжённо молчал какое-то время, размышляя о том, что она сказала. Потом взглянул ей прямо в глаза и уверенно заявил:

– Этого не случится, Лин. Ты всегда найдёшь выход. Ты же сама сказала, что надо только верить и прорываться... Я не думаю, что твои возможности обусловлены только тем, что в тебе хранится какой-то источник света. Тебе не просто так его доверили. Ты способна сохранять этот свет и делиться им с другими, потому что ты сама особенная. Ты же вирефия. Ты – земной ангел, – выдал Пётр с таким выражением лица, словно неожиданно нашёл тот самый аргумент, который должен непременно убедить её в том, что он не ошибается в своих рассуждениях. – Разве может ангел забыть о свете и заблудиться в темноте? Это же какой-то абсурд, согласись, – улыбнулся он ей.

Она улыбнулась в ответ.

– Понятия не имею, может ангел заблудиться, или нет. Ты же знаешь, что к ангелам я не имею никакого отношения, – хмыкнула она. – Но, всё равно, ты прав, я что-то уж очень разнюнилась. Всё правильно, глупо сомневаться в себе и чего-то бояться. В конце концов, наверное, нет ничего удивительного в том, что я иногда чувствую усталость, мне же каждый раз приходится справляться с крайней степенью отчаянья, а это не может не требовать определённого

ных душевных затрат. Так что, всё нормально, – оптимистично заявила Лин, уже несколько не сомневаясь ни в его словах, ни в собственных утверждениях. – И вообще, я же вирефия, мне по статусу не положено унывать и быть пессимисткой, – с лёгкой иронией прибавила она и улыбнулась.

– Точно, тебе не положено, – улыбнулся Пётр в ответ.

Он отпустил её руку, помялся немного и не слишком уверенно поинтересовался:

– Лин... можно мне спросить...?

Она согласно кивнула.

– Скажи... у вас с Никитой всё в порядке? – выдал он, чувствуя, что покрывается краской, и досадуя в душе на то, что разучиться краснеть ему, по всей видимости, по гроб жизни не удастся. – Я не в том смысле, я просто..., я к тому что..., – смущаясь всё сильнее и торопясь высказаться до конца, бормотал он, – просто, если у тебя есть личные проблемы, вдруг это может быть одной из причин того, что тебе сложно справляться с чужой болью...

– Нет, Петь, у нас с Никитой всё хорошо, – спокойно сказала она, делая вид, что совсем не замечает его смущения. – Мне понятна твоя логика и, по идее, ты должен быть прав. Но вот, что странно... Ты ведь помнишь, как всё начиналось?

Он кивнул. Ещё бы он не помнил.

– Когда у меня появились эти способности, у меня ведь как раз всё было очень плохо на личном фронте, но я была рада помогать кому-то и ничего не боялась. Тогда мне даже в голову не приходило, что это может тяготить меня, – рассуждала Лин. – Всё тогда было так просто и понятно. И силы были, и уверенность в себе. Выходит, моё личное душевное состояние никак с этим не связано.

– Выходит, так, – согласился Пётр. – Ну и отлично, значит, эту причину мы можем исключить...

Он немного помолчал, потом прибавил:

– Лин, я так понимаю, ты не рассказывала Никите о своей проблеме?

– Нет, я не хочу, чтоб он об этом знал, – сказала она, выразительно на него взглянув.

– Почему? Ты что, не доверяешь ему?

– Доверяю, – усмехнулась Лин. – Просто... Петь, он и так боится за меня. Не говорит об этом, ни о чём не спрашивает, но я же чувствую, что он всегда очень беспокоится, когда я ухожу. Если я ему расскажу, он совсем перепугается и станет уговаривать меня никуда не летать. Нет, он не эгоист, и он меня понимает, – поспешила прибавить она, – он отлично всё понимает, но если он узнает, что что-то не так, ему плевать будет на весь мир и на чужие проблемы, ему важно будет только, чтоб со мной ничего не случилось. А я должна продолжать делать своё дело, и мне ни к чему лишние сложности. Понимаешь? Разве ты на моём месте захотел бы, чтоб Ася знала обо всём и умирала бы от беспокойства за тебя? Ты стал бы ей рассказывать?

Он озадачено молчал какое-то время, потом мотнул головой и сказал:

– Нет, наверное, не стал бы... В то же время... если бы не со мной, а с ней происходило бы что-то подобное, я хотел бы знать об этом. Представляешь, как это ужасно – не иметь ни малейшего понятия о том, что с твоим любимым человеком что-то не так? Мнимое благополучие. Ложь во спасение... Как же всё это сложно..., – пробормотал он, растирая пальцами лоб.

– Да, сложно, – согласилась Лин. – В отношениях всегда всё сложно.

Они сидели рядом, плечом к плечу, и какое-то время молчали, думая каждый о своём. Пётр сосредоточенно разминал пальцами травинку и пялился в одну точку перед собой, по всей видимости, всё ещё силясь решить дилемму. А Лин думала о том, что они сидят сейчас тут с ним вдвоём, совсем, как когда-то, когда они были друзьями, он так обстоятельно и серьёзно обо всём рассуждает, стараясь разобраться в её проблемах, и ей от этого становится так спокойно.

После того разговора, который расставил все точки над ё в их отношениях, они совсем не общались один на один. Довольно долго вообще почти не разговаривали друг с другом, ограничивались только приветствиями, когда сталкивались на этаже. Лин большую часть времени проводила вдвоём с Никитой, а когда собиралась общая компания, Пётр всегда почему-то оказывался страшно занятым. Около трёх месяцев назад, где-то в конце апреля, он стал встречаться с Асей, позже они уже вдвоём стали участвовать в общих этажных посиделках и вылазках. Лин вдруг припомнила всё это, и удивилась тому, что она, оказывается, не оставляла без внимания все эти подробности. Ей жаль было их дружбы.

– Слушай, Лин, а который сейчас час? – вдруг встрепнулся Пётр. – Нас обоих наверняка уже хватились.

– Полчетвёртого, – ответила Лин, взглянув на часы.

– Ты давно ушла из лагеря? – поинтересовался он.

– Я не уходила, – заявила Лин. – Я сказала, что пойду, посплю в палатке, отошла в сто-
ронку и переместилась сюда. Ребята на тот момент девчонок в карты играть сагитировали, а
если в процессе участвуют Лиза и Дэн, быстро игра не закончится. Я ушла всего полчаса назад.
Ты меня почти сразу тут застукал, – хмыкнула Лин. – Вот уж не думала, что даже в чаще леса
мне не удастся побыть одной, – скорчила она гримаску недовольства.

– Ну, извини, – улыбнулся Пётр.

– Да ладно, чего уж там, – шутливо-великодушным тоном заявила Лин и хихикнула. –
Да, а тебя-то как сюда занесло? – спохватилась она.

– Я за бабочкой шёл, – просто ответил Пётр.

– За бабочкой, – глубокомысленным тоном повторила за ним Лин. – Ага, понятно, – с
напускной серьёзностью прибавила она и расхохоталась.

Он тоже рассмеялся.

– Ну да, за бабочкой. За морфо анаксибией. Это такая здоровенная тропическая бабочка
с очень красивыми ярко-синими крыльями. Что тут такого?

– Да нет, абсолютно ничего такого, – ответила Лин, продолжая хихикать.

– Что ты смеёшься? Я, между прочим, мог научное открытие сделать, – заявил он шут-
ливым тоном. – Морфо анаксибия только в тропиках водится, а я её в этой роще своими гла-
зами видел. Меня, правда, как раз перед этим муравьи покусали, а потом я упал и, кажется,
головой долбанулся, так что, нет гарантий, что это не глюк был. В общем, эта бабочка меня
в чашу завела, а потом исчезла. Я, естественно, расстроился, пошёл обратно, заблудился по
дороге и случайно обнаружил тут тебя... А, кстати, кроме шуток, ты зачем в лес-то забралась?
Что, другого места не нашлось? – прибавил он, внезапно посерьёзнев. – Девушка, одна, в чаще
леса. Мало ли что может случиться? Разве так можно, Лин?

– Ты что, думаешь, мне так просто можно причинить вред? – сказала она немного
насмешливо. – Попробуй сам меня поймать.

Он не успел глазом моргнуть, как она растворилась в воздухе. Ещё через секунду она
появилась в паре метров от него, потом снова исчезла. Пётр подхватился на ноги и стал крутить
головой во все стороны. Внезапно почувствовал прикосновение к плечу, дёрнулся от нежиданности и обнаружил Лин у себя за спиной. Она лукаво улыбалась, забавляясь его реакцией.

– Да уж, впечатляет, – согласился он. – Телепортироваться с такой скоростью невоз-
можно... И, всё равно, будь осторожнее.

– Ладно, я буду осторожнее, – согласилась Лин, улыбаясь.

Она стояла против солнца, солнечные лучи путались в её рыжих волосах, и казалось, что
она сама сейчас излучает мягкий свет. Он невольно засмотрелся на неё.

Вдруг прямо над их головами пронеслась какая-то птица. Она шумно хлопнула крыльями
и, уронив на плечо Петра свежий продукт своей жизнедеятельности, устремилась ввысь.

– Фу-у, бли-ин, – брезгливо протянул Пётр, взглянув на своё плечо и скорчив гримасу отвращения, – счастье привалило.

У Лин вдруг приключился такой приступ веселья, что она согнулась пополам, схватившись за живот. Пётр, глядя на неё, тоже расхохотался. Они какое-то время оба корчились от хохота, не в силах успокоиться.

– Ну, хватит уже, не смеши меня! – выкрикнул Пётр сквозь смех. – Мне надо избавиться от птичьих какашек, а я не могу из-за тебя сосредоточиться! Мне же противно! Прекрати, Лин!

– Ой-ой, я не могу-у-у! Ох, Петь, ну до чего ж ты везучий! А-ха-ха-а! А я ещё на что-то жалуюсь, – рыдала от смеха Лин.

– Злая ты, – с трудом выговорил Пётр, тщетно пытаясь придать словам оттенок укоризны, – грех смеяться над убогими.

Лин уже обессилено стонала от хохота. Пётр демонстративно отошёл от неё подальше, повернулся к ней спиной, вдохнул поглубже, подавляя смех, поднёс к запачканному плечу ладонь и произнёс:

– Пургатус эст.

С его плеча моментально исчезли все малоприятные признаки счастливой приметы.

– Ну вот, совсем другое дело, – сказал он, поворачиваясь к Лин и широко улыбаясь.

Она наконец-то перестала хохотать, промокнула влажные от смеха глаза подолом платья и сказала:

– Давай вернёмся в лагерь, а то нас, и правда, искать начнут.

– Давай, – согласился он. – Ты первая.

– Петь, погоди. Это твоё? – Лин наклонилась, подняла с земли блокнот и протянула ему.

– Ага, чуть про него не забыл, – спохватился Пётр. – Спасибо.

– Ну, всё, я пошла, – улыбнулась она.

– Э-э-э... Постой, Лин..., – внезапно остановил он её. – Я хотел сказать... В общем, если тебе вдруг понадобятся свободные уши и жилетка, чтоб поплакаться, то к твоим услугам полный комплект. Ну... мало ли что..., – заявил он и густо покраснел. – Чисто по-дружески. Мы же друзья, так ведь?

– Конечно. Спасибо, – тепло улыбнулась она.

Ей вдруг ужасно захотелось его обнять, но она благоразумно сдержала свой порыв. Через секунду её уже не было на поляне.

Пётр сосредоточился, стараясь как можно точнее задать себе направление, и телепортировался в ту часть рощи, где он обнаружил муравейник. Отсюда до лагеря было рукой подать. Минут через пять он вышел к тому месту, где всё ещё весело проводили время его друзья. Пётр отыскал глазами Никиту и отметил про себя, что, по всей видимости, исчезновение Лин пока никого не беспокоило. Зато его отсутствие не прошло незамеченным. Как только он показался среди деревьев, Ася подхватила на ноги и поспешила ему навстречу.

– Петь, ну наконец-то! Ты где был так долго? С тобой ничего не случилось? – обеспокоенно затараторила она, повисая у него на шее и заглядывая ему в глаза.

– Ась, ну что со мной могло случиться? – улыбнулся он, обняв её за талию.

– С тобой-то? Да с тобой всё, что угодно, может случиться! – воскликнула Ася. – Не уходи больше так надолго без предупреждения. Я же волнуюсь.

– Ладно-ладно, я больше так не буду, – покивал он шутливо головой.

– Прости, что заставил тебя волноваться.

– А что ты делал всё это время? – поинтересовалась Ася.

– По роще бродил. Сначала я нашёл муравейник, рисовал муравья, который зачем-то карабкался на лист папоротника, – докладывал он с чувством и с расстановкой таким тоном, каким обычно рассказывают сказки детям. – Рисовал, рисовал, потом муравьи меня чуть не съели, и я решил поискать себе другое место. Пошёл дальше и вдруг увидел большую синюю

бабочку. Погнался за ней, долго гонялся, забрёл в самую чашу, бабочка в итоге от меня улетела, а я заблудился. Ходил, ходил по лесу, потом мне это надоело и я телепортировался сюда.

– Что ж ты сразу не телепортировался? – улыбаясь, спросила Ася.

Он пожал плечами, скорчил смешную рожицу и ответил:

– Дурак потому что.

Глава 3

Новые знакомства и старые проблемы

Глеб проснулся рано утром под залиvistые трели какой-то голосистой птицы, самозабвенно прославляющей рассвет. В её песне удивительным образом переплетались звуки природы, то свистящие и протяжные, словно завывание ветра, то гортанные, раскатистые и рокошующие, как своенравная бурлящая река, то ломкие и потрескивающие, как хруст сухих веток под ногами, складно чередующиеся и выстраивающиеся в стройную музыкальную композицию.

Глеб какое-то время лежал и вслушивался в эту мелодию, отгоняющую сонливость и вызывающую приятное чувство предвкушения нового погожего летнего дня. Потом он почти бесшумно переместился к выходу, открыл брезентовый заслон, впуская утро в палатку. Так же осторожно вернулся обратно. Эм ещё спала сном младенца. Он сел рядом и смотрел на неё, оттягивая момент, когда придётся её разбудить.

Он успел изучить все её образы. Во всех она хороша, в большинстве даже сногшибательна, и он по уши влюблён в каждый из них, но вот этот, утренний, домашний, ему роднее и милей всех прочих. Она спокойно спит, зная, что он рядом, а он невольно воспринимает этот факт, как проявление высшей степени доверия, и его распирает от желания оправдывать это доверие, оберегая её покой, заслоняя от любых невзгод. Её волосы в беспорядке разметались по подушке, на щеках горит рассвет, губы, чуть припухшие с ночи, тёплые, манящие, словно всё ещё хранят жар его поцелуев. Он не удержался и оставил на её губах ещё один поцелуй, осторожный, невесомый. Она вздохнула и чуть приоткрыла глаза. Он улыбнулся и чмокнул её в нос.

– Эм, ты хотела пойти со мной купаться, – тихо сказал он. – Пойдёшь, или хочешь ещё поспать?

Эм приоткрыла глаза чуть шире, сонно улыбнулась и пробормотала в ответ:

– Я с тобой. Сейчас, ещё одну минуточку.

Она сладко потянулась, уселась с ним рядом, обхватила руками за шею и повисла на нём, уткнувшись носом в его плечо. Он терпеливо ждал, пока она окончательно проснётся, поглаживая её по спине ладонью и с упоением вдыхая запах её волос. Вероятно, так пахнет счастье.

Она ещё раз вздохнула, оторвалась от него и решительно заявила:

– Ну, всё, я готова. Пошли.

– Пошли, – согласно кивнул он, улыбаясь.

Они выбрались из палатки, вместе сходили за водой к одной из водяных колонок, которыми был снабжён городок. Поливали холодную воду на руки друг другу и умывались, брызгаясь и хихикая, но стараясь не шуметь слишком сильно, чтоб не разбудить соседей.

Заря разгоралась всё ярче, разливалась расплавленным золотом по светлеющему небу, своду, румянила облака, расцветала розовым цветом на верхушках деревьев и крышах палаток. В сосновой роще звонко щебетали птицы, внося в это утро для двоих свою долю романтики.

Море было по-утреннему прохладным. Глеб влетел в него с разбегу и нырнул. Вынырнул, отфыркиваясь, повернулся лицом к берегу и крикнул:

– Вода холодная! Не замёрзнешь?!

Эм спокойно вошла в воду и поплыла к нему.

– Глупости. Море не может быть холодным, – заявила она. – Как хорошо!

Она бесшумно скользила в воде, движения были настолько плавными и уверенными, словно море было её стихией. Глеб смотрел на неё и испытывал странное чувство. Её длинные волосы расплывались по волнам яркими медно-красными разводами, тело в морской воде

казалось каким-то потусторонне прозрачным, и он совсем не удивился бы, если б её ноги, как по волшебству, вдруг слились бы в русалочий хвост. Внезапно возникла пугающая мысль, что море сейчас поманит её, она вспомнит о том, чья кровь течёт в её жилах, и уплывёт от него навсегда. Здравый смысл тут же признал мысль идиотской, и сердце, на мгновение сжавшееся в болезненной спазме, снова пошло, постепенно выравнивая ритм, но инстинктивное желание удержать её заставило его действовать. Одним стремительным движением он догнал её в воде и потянул к себе. Она спокойно подчинилась его порыву, обхватила руками за шею. Он прижал её к себе, почувствовал тепло её тела, и беспокойство в душе сразу улеглось.

– Я никогда ещё не плавала в море на рассвете, – восторженно выдохнула она. – Ты посмотри, какое небо! Красиво как!

Но красота окружающего мира как-то слабо занимала его в этот момент. Он пристально смотрел в её глаза, имеющие свойство кардинально менять цвет в зависимости от её настроения. Цвет её глаз включает всё разнообразие многочисленных оттенков синего и фиолетового, которые то разделяются, уступая место друг другу и проявляясь в чистом виде, то смешиваются, выдавая весь спектр удивительных расцветок, которыми природа наделила цветки лаванды, от нежно-голубого до тёмно-фиолетового. Иногда ему достаточно просто заглянуть в её глаза и увидеть, какого они цвета, чтоб понять, что она чувствует. Сейчас они ярко-синие и лучистые, в них полыхают золотистые отблески зари, отражая её восторженное настроение. Они бывают ясно-голубыми и безмятежными, как прозрачный весенний ручей, или тёмно-фиолетовыми и глубокими, как омут. А бывают особые моменты, когда они приобретают немыслимый пурпурно-фиолетовый оттенок, который встречается у искусно огранённого аметиста. От одной мысли, что кто-нибудь, кроме него, может заставить её глаза окраситься в этот особенный цвет его сердце обжигает ревностным огнём, и кровь закипает в жилах.

– Глеб, ну ты что такой серьёзный? – поинтересовалась она и потёрлась носом об его щеку. – Тебе, наверное, пора собираться на работу? Заря уже догорает.

– Нет, – решительно заявил он, – у нас ещё есть время.

Ему просто необходимо увидеть её аметистовый взгляд. Прямо сейчас. А заря подождёт.

* * *

Эм проводила Глеба на работу и навела порядок в своей палатке. Пока возилась, ребята тоже проснулись, выбрались из палаток, расшумелись. Девчонки засуетились, готовя завтрак. Эм решила поучаствовать в процессе, взяла чайник и направилась с ним к одному из домиков, оснащённых электрическими плитами для общего пользования.

Какой-то парень разбивал палатку между сосен неподалёку от их лагеря. Эм бросила в его сторону заинтересованный взгляд. Парень, сидя на корточках, вбивал в землю колышек. Порыв ветра вдруг сорвал с его головы джинсовую панаму. Парень подхватился и бросился за ней вдогонку. Ветер немного покружил панаму в воздухе и швырнул её прямо под ноги Эм. Она наклонилась, подняла панаму и протянула её незнакомцу.

– Спасибо, – улыбнулся тот.

– Не за что, – улыбнулась в ответ Эм.

Парень отряхнул панаму об колено, нахлобучил её на голову и сразу же вернулся к своему занятию. Эм пошла дальше. Набрала в чайник воды из колонки, дошла до хозяйственного домика, поставила чайник на плиту. Пока вода закипала, Эм почему-то всё думала о незнакомце. Что-то её в нём озадачило, но она никак не могла понять, что именно.

Чайник наконец вскипел, и Эм понесла его обратно. Незнамец к этому времени успел установить палатку и вытряхивал из рюкзака на траву какие-то вещи. Когда Эм с ним поравнялась, он выпрямился, держа в руках жестяную кружку, и поинтересовался, вежливо улыбаясь:

– Простите, Вы мне не подскажете, в какой стороне колонка?

– Видите вон ту красную палатку? – указала Эм рукой. – Идите прямо на неё, мимо колонки не пройдёте.

– И ещё раз, спасибо, – снова улыбнулся парень и, не оглядываясь, двинулся в указанном направлении.

Эм заинтересованно смотрела ему вслед. Она вдруг сообразила, что именно показалось ей странным. Его взгляд. В его взгляде, устремлённом на неё, не было ничего, кроме доброжелательной вежливости. Казалось бы, что в этом может быть странного? Но Эм, пожалуй, впервые с тех пор, как стала отдавать себе отчёт в своей привлекательности, не уловила во взгляде человека, видевшего её впервые в жизни, ни малейших признаков заинтересованности ею. Нет, Эм никогда не кичилась своей внешностью, она просто знала, какое впечатление производит на окружающих, и привыкла относиться к этому, как к чему-то само собой разумеющемуся. Всякий, кто видел её впервые, будь то мужчина, или женщина, прежде всего обращал внимание на её неординарную внешность, которая производила на людей разное впечатление, но никого не оставляла равнодушным. Ей доводилось замечать интерес, восхищение, изумление, смущение, настороженность, зависть, и ещё какие-то эмоции, порой едва уловимые, но непременно проскакивающие в этих первых оценивающих взглядах, и от внимания Эм никогда не ускользали подобные нюансы. Помимо совершенных линий, от прапрабабки сирены Эмме досталась магия, которая, ко всему прочему, наделяла её внешний облик какой-то особой притягательностью, способной выделить её из целой толпы красавиц. Незнакомец же смотрел на неё так, словно ему было абсолютно всё равно, красавица перед ним, или чудовище. Эм это заинтриговало. Она попыталась разглядеть его сущность, но парень довольно быстро удалялся от неё, и ей не удалось как следует на нём сосредоточиться.

Эм решила, что у неё наверняка ещё будет возможность узнать о нём побольше, и она, вспомнив о том, что её друзья рассчитывают на чай к завтраку, поспешила в лагерь.

* * *

Днём в полку отдыхающих ощутимо прибыло. Городок уже не вмещал всех желающих в нём разместиться, народ стал активно заселять рощу. За день в ней появилось сразу несколько новых палаток, роща наполнилась людскими голосами, шумом и гомоном, и относительная обособленность маленького студенческого лагеря была окончательно нарушена.

Когда ребята вернулись после обеда из посёлка, оказалось, что полянка, на которой они до сих пор проводили послеобеденное время, уже занята. Искать себе новую полянку в глубине рощи всем было лень, поэтому решили оставаться в лагере, пока жара не спадёт. Дэн, Илья, Никита, Лиза и Ася забились в одну из четырёхместных палаток, откинув у неё переднюю стенку, чтоб не задохнуться, и дулись в карты. Пётр, который с картами завязал, отчаявшись дождаться от своих товарищей честной игры, устроился тут же в уголке с книжкой, благо-разумно избавляя себя от лишних жизненных разочарований и сохраняя таким образом энное количество бесценных нервных клеток себе на будущее. Лин, Женька и Эмма, преисполненные жадой деятельности, затеяли небольшую постирушку. Девчонки весело булькались в тазиках, разбрызгивая во все стороны мыльную пену и оживлённо переговариваясь, когда к их лагерю подошла незнакомая девушка. Она стряхнула со спины здоровенный рюкзак, тяжело опустила его на землю, и какое-то время стояла, растерянно оглядываясь по сторонам. Заметив девчонок, девушка помедлила немного, раздумывая о чём-то, потом двинулась к ним. Девчонки оставили своё занятие и дружно на неё уставились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.